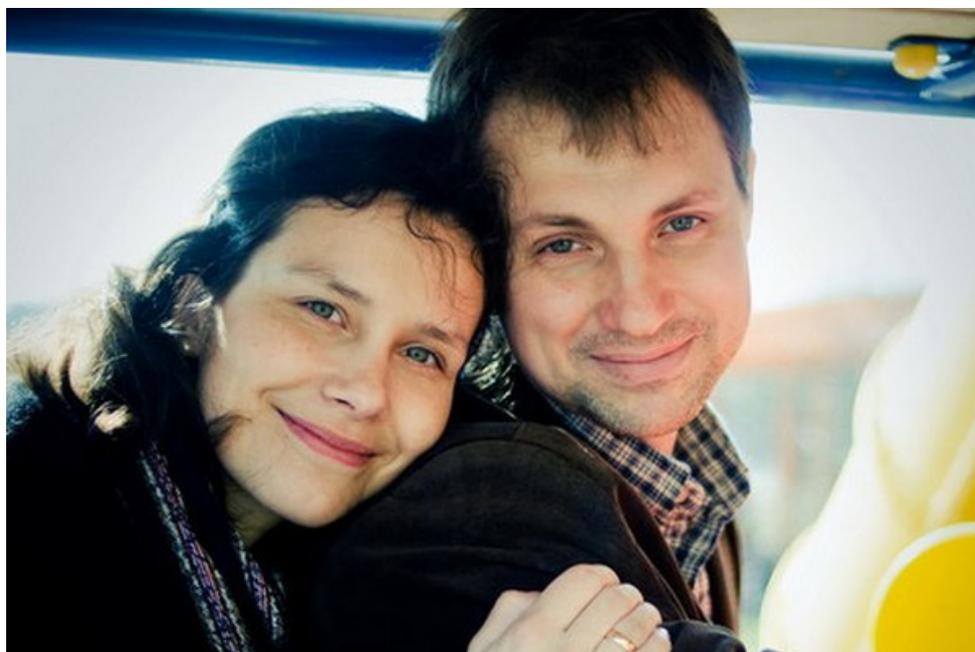

Миша и Тая

17 ЯНВАРЯ, 2017. ЕЛЕНА ГОРЕЛИК

Памяти одной семейной пары: «С мужем я — одно целое, а дети пойдут сами, куда должны»

С той страшной ночи прошло уже три с половиной года. Это был хороший день. Вечером я села за компьютер проверить почту. В углу экрана появилось сообщение в чате от подруги: «Тая и Миша погибли. Как это может быть?». Эта новость не доходила до сознания.

Сегодня Мишин день рождения. Мой прекрасный князь, мой друг и брат, я

люблю тебя и помню. Есть и другие
миры.

17.01.2014, ЖЖ Натальи О'Шей, Хелависы, лидера группы
«Мельница»

Камаз не смог затормозить

«Было два прекрасных человека. И вдруг их не стало. Завтра у одного из них был бы день рождения. Мы бы собрались вместе, спорили за политику и за Россию, поговорили бы за новости культуры, фильму «Викинг» в переводе Клизма и

Гоблина, новый альбом группы «Мельница». Мой друг был из тех, кто приносит в мир свет. Он бы сдавал кровь для раненых и больных, вещи для сирот и вдов. Лет пятьсот назад его бы сочли образцом рыцарства... Ну а сегодня его с нами нет...» так написал вчера Павел Пасечник, друг Таи и Миши Штаревых, крестный их сына.

С той страшной ночи прошло уже три с половиной года. Это был хороший день. Вечером я села за компьютер проверить почту. В углу экрана появилось сообщение в чате от подруги: «Тая и Миша погибли. Как это может быть?». Эта новость не доходила до сознания.

Тая и Миша поженились совсем юными. Они были очень счастливой парой. У них родилось трое детей. Такая идеальная семья.

Первый мой вопрос был: «А дети?». «Детей там не было» — написала подруга.

В тот день где-то на Киевском шоссе их машину занесло на мокрой дороге. Авария была не слишком страшная, оба были целы, но машина сама ехать дальше не могла. Они вызвали эвакуатор. Когда он приехал, стали грузить машину.

Водителю Камаза надоело тащиться за фурой. Ему не было видно, почему она едет так медленно. Фура загоразживала собой и эвакуатор, и ребят. Камаз вырулил и уже не смог затормозить. Тая погибла сразу. Миша дожил до больницы.

«Этого не может быть». «Это точно не ошибка?»»

Такая реакция была тогда частой в соцсетях. Это казалось столь чудовищным, несправедливым, невозможным, что просто не имело права быть правдой.

Церковь при Пятницком кладбище не смогла вместить всех, кто пришел проститься с ними. В отпевании участвовал Таин одноклассник, дьякон, и голос его все время срывался.

Одно увлечение на двоих

Иван Воронов так вспоминает ребят:

С Мишкой и Таей я познакомился осенью 1996 года в подвале на Фрунзенской. Я собирал свой реконструкторский клуб, Миша и Костя Пушкарёв давали нам дельные советы и тренировали нас поначалу. В том же году нас пригласили на Йоль, наш первый Йоль.

В 1997 году мы были в первыми русскими (7 человек из разных клубов), поехавшими в Польшу на фестиваль в Волин. Миша с Таей еще тогда и не женаты были. Мишка всех там поразил своим фехтовальным умением, Тая — красотой и знанием языков. Их радостно и охотно принимали везде: и в компаниях викинг-иностранцев, и в городской ратуше, и в польских ресторанах.

Мы все тогда вернулись в Москву переполненные впечатлениями и с мощным зарядом заниматься реконструкцией и дальше. Потом мы пересекались на разных мероприятиях по X веку, а потом Мишка уехал работать за границу.

Мы несколько лет не виделись. Потом нашли друг друга в ЖЖ, стали общаться виртуально.

Как вдруг в 2008 году у Кости с Мишкой появилась идея создания ганфайт-клуба: несерьезной такой реконструкции Дикого Запада. И мы снова минимум раз в

месяц стали встречаться в клубе «22» на Арбате, где играли в покер, стрелялись из страйкбольных револьверов, причем Тайка тоже выходила на дуэли, и делала это очень неплохо.

Летом 2009 мы ездили на вестерновый фестиваль под Можайском, ребята приехали с детьми. Старшая Саша увлекалась индейцами и ужасно расстроилась увидев, что у всех «индеек» черные волосы, а у нее светлые. Тая договорилась с одной из индеанок, и та завела Сашу в вигвам и там сняла с себя черный парик, на чем Саша успокоилась и снова стала улыбаться.

Потом выяснилось, что мы с Мишкой интересуемся историей Второй Мировой войны. Я звал его присоединяться к нашему реконструкторскому клубу, но Миша довольствовался чтением массы литературных материалов.

Но мы нашли компромисс — мы стали играть в солдатиков, я — за немцев, Мишка — за СССР. Миша довольно быстро научился достойно красить фигурки, причем делал он это вместе со своим сыном Вовой. Часто с гордостью показывал фигурки или фото фигурок: «Это мы с Вовкой покрасили».

Дальше больше, дети подросли настолько, что их стало можно оставлять с бабушками, у ребят появилось больше свободного времени, и осенью 2012 они поехали с нашим клубом на Большой Страйкбол. Мы к тому времени уже 7 лет как им занимались и уже изрядно приустиали от всех этой беготни по лесу. А вот Миша и Тая делали это так упоительно, что заряжали своим энтузиазмом и остальных. И в мае 2013 они тоже приехали на Открытие сезона, и снова поливали струями шариков противников, получали сами, и радостные шли в «мертвяк».

Строили планы на Закрытие сезона, хотели обновить амуницию и вооружение...

Я не хочу писать про то, какой замечательной парой они были, — это и так многие знают. Когда в компании старых реконструкторов возникал вопрос «а у кого семейная жизнь удачно сложилась?», не задумываясь, получали ответ — «Миша и Тая».

Всегда веселые, всегда в хорошем настроении, с прекрасным юмором. Такими я их запомню.

Гигантская фигура умолчания

Мы познакомились с Таей в РГГУ, на факультете лингвистики. Она училась на курс старше. Факультет наш был маленький и домашний. Мы дружили между курсами, ходили на одни семинары, болтали в общем холле, отмечали праздники, главным из которых был день рождения декана. Старшие курсы рассказывали младшим байки о наших преподавателях, о сдаче зачетов и экзаменов.

На нашем факультете было много сильных студентов, и Тая была одной из них.

Ее преподаватель математики, Алексей Всеволодович Гладкий, написал о ней:

«Известие о гибели Таи Верещагиной (Верещагина — Таина девичья фамилия) и ее мужа было для меня страшным ударом, и я долго не смогу после него прийти в себя. Тая была одной из самых лучших моих учениц за все 60 лет преподавательской работы. У нее не только были прекрасные способности: она училась с увлечением, с энтузиазмом. Ее группа была очень сильной, но и на этом фоне Тая выделялась. Сложные математические понятия, с которыми я знакомил студентов, она не только великолепно усваивала, но и чувствовала их красоту. Никогда не забуду, как поразила меня Тая на экзамене по алгебре, доказав очень трудную теорему изящным способом, которого я не знал: она и ее подруга Лена Модель нашли это доказательство в одном из многих учебников и досконально разобрали.»

Алексей Всеволодович не знал не только этого доказательства, но и того, что Тая и Лена просто-напросто доказали ту теорему сами, но постеснялись об этом сказать и придумали несуществующий учебник.

Тая умела ценить красоту не только в математике и лингвистике.

Вот как певица Хелависа рассказывает про Таю и музыку:

«Тайка была для меня, наверное, лучшим рецензентом моих альбомов, потому что человек огромного ума, великолепной лингвистической подготовки и очень хорошей философско-религиозной компетенции. И при том, что она меня очень хорошо знала, естественно, знала, каким манером я работаю, как у меня получаются песни, знала многие закадровые истории вдохновения, из чего у меня как всё получалось. Там разнообразные истории любви, путешествий.

Она всегда очень безошибочно всё вылавливала. То есть, например, когда у нас вышла пластинка «Ангелофрения», которая вызвала тогда много споров теологического плана, и многие люди писали «Что здесь творится? Что за ересь?», Тайка написала «Для меня очень важно, что в тексте этого альбома гигантская фигура умолчания» – то есть Господь.

И она настолько прекрасно это сформулировала, очень точно. И это именно то, что я вкладывала туда.

Действительно, при всей этой моей фэнтезийной эволюции человека в ангела и всех этих темах, которыми я тогда была очень увлечена, дальше там присутствует эта фигура умолчания, что ты знаешь... То есть это просто пример того, насколько человек мне был близок.»

Они могли не влюбиться друг в друга

В 2005 году я пришла работать в АВВУУ, где уже работали многие мои однокашники, и вновь встретила с Таяй. Она носила фамилию мужа, и у нее было двое детей. А потом она стала моей начальницей, а потом мы почти одновременно забеременели и вот тогда подружились.

Я помню, как Тая, уже на последнем месяце беременности, приезжала ко мне в гости. Моей дочке было 5 месяцев. Тогда как раз случился конфликт с Грузией. У нас с Таяй было о нем разное мнение, но это не мешало нашей дружбе. И мы вместе, погрузив в коляску подгузники, повезли их в Красный Крест, который был недалеко от моего дома.

Тая и Миша были ролевиками и реконструкторами. Они и познакомились где-то на ролевых играх или в клубе. Тая однажды рассказала мне, что как-то они с Мишей обсуждали, какой внешностью каждый из них хотел бы обладать. И внезапно выяснилось, что если бы они выглядели так, как мечтали, то никогда бы не влюбились друг в друга. Но они влюбились.

И они оба были очень красивыми.

Однокурсница Таи, Вера Цуканова, рассказывает о своем знакомстве с ней в летней лингвистической школе:

«И вот Тайка приехала. У нее была огромная, совершенно нереальная копна кудрявых волос, потому что, как она объяснила, до этого она две недели не мыла голову в лесах, а потом вот вымыла. На ногах у нее были сандалии, похожие на римские, всё было необычно в ней, и вообще она вся светилась изнутри. И это впечатление светящегося существа было у меня от нее всегда. Ее серые глаза были как будто чем-то вдохновленные. Была в них какая-то сталь, не от жестокости, а от честности и неколебимости. И еще у нее был очень мощный внутренний стержень, и это всегда очень чувствовалось и вызывало неизменное уважение».

С тех пор Тая олицетворяла для меня мир фэнтези, недоступный мне, манящий и прекрасный. Даже во время учебы, даже после того, как она ушла в семью и детей, это всё несло на себе отпечаток ее волшебства. По науке она изучала какие-то скандинавские руны, а уж замуж вышла не за кого-нибудь, а за короля. «За кёнига» — сказала она, — «ну фактически это король».

Я должен красиво сложиться

**Маша Селиски, лингвист, ролевик и реконструктор,
вспоминает о Мише:**

«В далеком 1992 году попасть на игру — на ИГРУ — было чем-то таким необыкновенным и фантастическим, о чем мы, свеженькие толкинисты, говорили с придыханием. И факт знакомства на «моей первой игре» долго был для нас очень важным.

Это была игра «Путь через Морию», или как-то так, и отдельный фокус был в том, что играли ее в «настоящих пещерах», то есть в катакомбах в Подмосковье, куда еще и не всякий ползет. Мы были Хранители, половина команды, в том числе я, имели приличный спелеологический опыт, остальные «в системе» были впервые, но прекрасно вписывались в обстановку.

Вечером перед игрой, спустившись в катакомбы и поставив лагерь, опытные участники отправились за водой. С собой

взяли одного из новичков, Мишу. Надо сказать, что у спелеологов довольно специфические легенды и юмор, и большая привычка к ритуалам, среди которых почетное место занимает запугивание друг друга, и особенно новичков жуткими сказочками про пещеры. Поэтому набрав воды, мы уселись на какой-то развилке, выключили фонарики (тоже традиция) и начали травить байки. Новичок с удовольствием слушал. И вот доходим мы до истории про «зеленый огонек», которая кажется еще от шахтеров унаследована. И вдруг слышим спокойный голос: «Ребят, а я думал, вы шутите...»

Выглядываем в штрек, лицом к которому сидит Миша — а оттуда к нам медленно приближается ЗЕЛЕНЬЙ ОГОНЕК, на высоте где-то трети человеческого роста... Следующие минуты полторы, пока собачка с фосфорным светильником на шее не добежала до нас, нам было гораздо веселее, чем Мишке — спелеологи еще и верят во все свои сказки...

Миша был Боромир, я еще тогда думала, как нам всем подходят наши персонажи. Ему подходил абсолютно. В какой-то момент мы поняли, что отряд Хранителей ведет себя немного как Неуловимый Джо — мы резво обошли по штрекам шумных и подслеповатых от отсутствия опыта гоблинов и уже практически вышли на финишную прямую, как Мишка возмутился:

— Стойте, я ж Боромир! Я должен красиво сложиться!!

«Красиво сложиться» значило у нас тогда «героически погибнуть».

Пришлось поворачивать обратно к гоблинам. Красиво сложившись, Боромир решил, что ему понравилось, и переместился к следующей команде, которая была пока не в курсе, что Боромир уже немного неживой. После

четвертого, кажется, по счету вызова гоблины начали прятаться, слыша «Могучий герой, четырежды покойник Средиземья, наследник наместника Гондора Боромир вызывает вас на бой!». На некоторое время после этой игры «Четырежды покойник Средиземья» стало именем собственным...».

Жизнь — это вообще смертельная штука

А вот про Тайку рассказывает Настя Полканова, наша коллега по АВВУУ:

«Когда она носила Иру — она очень похудела и сперва никому ничего не рассказывала, а потом, решившись (я утром зашла к ней в отсек и посочувствовала, что она как-то осунулась после болезни): «Ну зачем скрывать! Да, я жду третьего».

И смеялась: «Врачи говорят, что такой сильный токсикоз — это оттого, что я рожаю третьего ребенка подряд от

одного и того же мужа. Ну я как-то не готова мужа
менять!»

И мое отчетливое ощущение: какая же она красивая!
Всегда, любая, в любом!»

Мы с Таей часто переписывались в рабочем чате. После ее
гибели я много перечитывала те наши разговоры. В одном

из последних мы почему-то стали обсуждать, что когда появляются дети, то боишься и волнуешься за них все время. И за мужа тоже... И Тая сказала тогда:

«Ну, жизнь — это вообще смертельная штука. По идее, если отрешиться от рутины, мы все каждый момент живы лишь милостью Божией и больше ничем. Просто привыкаем к чему-то и уверены, что так оно и дальше пойдет, а завтра любой может умереть от чего угодно — от машины до упавшего на башку метеорита, остается лишь уповать и стараться жить достойно, и с этим у меня большие проблемы».

Это было меньше, чем за месяц до гибели Таи и Миши. Тайка была очень строга к себе. Она была одним из самых достойных и честных людей, которых я знала. И об этом тоже много писали в те дни в воспоминаниях.

Тая рассказывала, что когда они познакомились с Мишей, они были язычниками, а потом уже пришли к церкви. И венчались. И их вера была настоящей и глубокой, как всё, что они делали. Тайка писала про их последнюю Пасху:

В субботу судорожно доубирали дом, Миша совершил геракловы подвиги в детской, я домыла последнее окно, и было очень, очень пусто, тихо и грустно без Вовы и Иры. Хотели встретиться с ними на Крестном ходу, но лил такой дождь, что решили их не брать. Обещали после Крестного хода зайти к ним, разбудить, покормить куличами.

В итоге, полдвенадцатого дождь прекратился, а небо прояснилось. Который раз уже такое чудо! Но дети – то уже спали! И если будить, будут капризничать, проверено! Пошли одни.

Очень, очень хотелось пойти на службу, обычно – то с детьми мы не можем — церковь – то битком, не продохнуть, они не могут, а тут даже без детей, можно было бы, но детям же обещали! Они же ждут! И Саша бедненькая ждет, глядя трансляцию по телевизору. Очень обидно было видеть, как течет мимо поток веселых людей в освещенные двери храма, а мы стоим как чужие. Вот вырастут дети, будут все здоровы, отправлю их домой а сама постою всю Пасхальную службу до конца! И причащусь на Пасху хоть разочек!

Я желаю себе быть всегда с тобой

*«Тайка, ты самый близкий и дорогой мне человек!
Здоровья тебе, счастья, спокойствия и уверенности!
Чтоб работа тебя не сильно напрягала, а дети радовали!
И чтобы всё, что ты задумала, у тебя получилось!
С Днем Рождения!»*

— писал Миша в Тайкин день рождения.

И она отвечала:

«Солнце мое, главное мое счастье — это ты. И я желаю себе быть всегда с тобой.»

А вот Тая поздравляла Мишу, когда день рождения был у него:

«Любимый, с днем рождения!

*Пусть ты всегда будешь здоров и счастлив и благословен,
пусть у тебя всегда будет хватать радости и любви,
пусть многое на свете радует и восхищает тебя,
пробуждая любопытство и драйв.*

*Пусть тебя прет от того, чем ты занимаешься, пусть
всё у тебя будет замечательно и еще лучше!*

Спасибо тебе за тебя!»

Они действительно были «едина плоть». Тайка как-то написала мне о Мише:

*«С мужем я — одно целое, а дети пойдут сами, куда
должны. Когда-то размышляла об этом, когда слышала,
что осуждали жен декабристов, которые тут оставили
детей и поехали в Сибирь, а дети тут умерли. Я подумала,
что они были всё равно правы»*

Так она и пошла за ним до конца. Или он за ней.

«Мама я тебя люблю! Пока! Вова»

И при этом они были очень хорошими родителями. Думающими, понимающими, самоотверженными. Помню, как Тайка внезапно убежала с работы, потому что ей позвонили и сказали, что стало плохо ее сыну. Он потом

попал в реанимацию. И она рассказывала, как они решили попробовать альтернативный метод и стали лечить его обливанием и растираниями.

Яна Елисеева, наша общая подруга, которая и сообщила мне о гибели Таи и Миши, рассказывает:

«Для меня история болезни их сына вообще за гранью сознания — такой настоящий материнский героизм, которого никто не видит. И, что потрясающе, Тайка сама отчетливо не считала себя героем. Просто делала то, что было нужно. Поднимала несколько раз за ночь, обливала, делала массаж, обливала днем, массаж, упражнения... Один из последних постов про укол ночью на обочине дороги — из того же разряда.

А еще я ее как-то звала на лекцию про кризис 9 лет, а она мне сказала:

— Ну, как-то вот прямо ровно в 9? По-моему, вся жизнь — череда кризисов, и к этому надо спокойно относиться. Я что-то последнее время мать-ехидна, и почему-то попытки умных людей научить меня, как мне правильно по науке воспитывать моих детей, вызывают у меня сильное неприятие. Это неразумно, знаю, но среди моих интересов «воспитывать детей» не стоит. Разве что просто «жить с детьми». Прости...

<...>

Я имею в виду не лекцию, а подход, что ненаучно детей воспитываю, иногда еще и ору и манипулирую, потом подрываю авторитет, прося прощения и сама творя всякие глупости, но почему-то мне сразу скучно становится, когда меня учат, как надо.

При этом я знаю, что Тайка — прекрасная мать. Одна из лучших, кого я знаю. И она всегда очень много думала про детей, на много шагов вперед. Можно назвать это как угодно, жизнью или воспитанием, но уж точно не перекаладывание ответственности».

А еще для Таи было очень важно, чтобы дети были друзьями. Про Сашу, старшую, она так и говорила: «Саша — мой друг».

После рождения младшей, Иры, Тая в основном работала из дома и писала, что счастлива этим, что можно вот так работать, не спуская детей с рук. В одном из множества рабочих чатов она написала вдруг:

Я вот сижу, работаю, вдруг открывается дверь и в меня летит плюшевая сова, с письмом. В письме криво косо написано: «Мама я тебя люблю! Пока! Вова»

**Лена Грунтова (Модель), ближайшая Таина подруга,
крестная детей Таи и Миши, пишет:**

«Бывают такие люди — волшебные, несущие в себе отсвет иного мира. Зерно этого волшебства есть в каждом. И в ком-то оно раскрывается и расцветает так, что видно снаружи — человек светится. Вот как Вера пишет: человек из фантазийного, другого мира, сказочного, нездешнего. Если кому-то было плохо, у Миши и Таи было замечательное свойство оказаться рядом. Не навязываться, не проявлять социальную активность, но как-то делать так, что они — помогали. И деньгами, и делами, но главное — своим присутствием, вниманием, словом. Они переживали не за всех несчастных во всем мире, а за каждого конкретного человека, о котором узнавали. И приносили облегчение и радость. Щедро делились радостью и светом. И сами стремились к свету всей душой. Тайка и оставалась такой же, и менялась: в ней всегда было это зерно, но все больше и больше все ее дела и все ее самые важные вещи были связаны с этим светом и деланием. И сами они переплавлялись в свет.

Июль 2013 был очень страшным временем. В июле погибли Тая, Миша, Илья Сегалович. Несколько близких мне

человек, не стовариваясь, рассказывали о почти апокалиптических предчувствиях. А Апокалипсис — это когда из нашего мира уходят люди, которые своим существованием свидетельствуют о другом мире, волшебном яблочном крае, золотом городе, куда все мы чаем попасть. Но они уходят, и путь к воротам становится длиннее и темнее. Мы плачем не по ним, по себе — слабым, уставшим, запутавшимся, которым труднее одолеть дорогу без чудесных спутников в зеленом и с дудочкой, которые шли по этой дороге в дом своей души, туда, куда тянулось все их существо».

Хелависа рассказывала, что уже после смерти Миши и Таи ей приснился сон:

«Я сижу в какой-то конференции лингвистической, в аудитории, там идет доклад, и открывается одна из дверей аудитории, а там как раз стоят Миша и Тайка в каких-то невозможной красоты одеждах. То есть они были очень простые, но было понятно, что они не из этого мира.

И я подхожу, говорю:

— Чего?

Мишка говорит:

— Спроси его, пожалуйста, когда доклад закончится, задай этот вопрос по датировке этого фрагмента.

Потому что Мишка, при том, что был технарь, он очень интересовался историей и очень хорошо в ней разбирался.

— Понимаешь, — говорит, — Меня-то он не слышит, а через тебя я могу передать вопрос.

Это был такой прекрасный сон. Действительно, во сне я задала докладчику этот вопрос, я спросила о том, что Мишку так интересовало, мне ответили, и я ему передала. И они ушли. Они меня обняли и ушли, а я осталась сидеть на конференции».

Этот сон очень про них.

Немногие даже близкие друзья знали, что Миша и Тая писали роман о Древней Руси, о Петре и Февронье. Хотели рассказать о тех временах и о семье, любви, верности. Они читали летописи, копались в источниках. Первую часть романа можно почитать [вот здесь](#). Второй части уже не будет, увы. Тая и Миша погибли вечером 7 июля. В канун дня Петра и Февроньи Муромских.

